

М.В. Павлова

**О. ЧЮМИНА – ПЕРЕВОДЧИК ПОЭЗИИ В. СКОТТА
(КОНЕЦ XIX В.)**

Статья представляет собой обзор переводов поэтических сочинений В. Скотта на русский язык, выполненных О.Н. Чюминой в конце XIX в., в числе которых: «Rebecca's hymn», «Lullaby of an infant chief», «Gypsy's dirge», «The Violet», «The noble Moringer», «The dying bard», «The dying bard», «Flora MavIvor's song», «Jack of Hazeldean», «Nora's vow». В ходе компаративного анализа выявляются основные переводческие модификации, осуществленные О.Н. Чюминой при перенесении англоязычного романтического текста на русский язык.

Ключевые слова: В. Скотт, романтическая поэзия, О.Н. Чюмина, перевод.

Интерес российского читателя к поэтическим сочинениям В. Скотта, явившийся следствием популярности его романов, в наибольшей степени проявляется в 20-е гг. XIX в., о чем свидетельствуют многочисленные переводы баллад и поэм В. Скотта в России. После смерти поэта в 1832 г. этот интерес постепенно угасает, и во второй половине XIX в. российские поэты-переводчики только изредка обращаются к отдельным произведениям В. Скотта. В конце XIX в. копилка переводов поэзии В. Скотта на русский язык заметно пополняется благодаря поэтессе и переводчице Ольге Николаевне Чюминой, проявившей интерес к жанру шотландской народной баллады и поэтическим сочинениям В. Скотта.

О.Н. Чюмина родилась 26 декабря (7 января) 1864 г. (некоторые источники указывают на 1858 и 1852 гг.) в Новгороде. Литературная деятельность ее началась в 1880-х гг. и включала в себя не только переводы зарубежных авторов, но также лирику и прозу собственного сочинения, которые были хорошо известны читателям-современникам. Чюмина зарекомендовала себя как талантливый поэт и переводчик, она также занимала активную гражданскую позицию, которую выражала в искрометных сатирах, печатавшихся под псевдонимами «Оптимист» и «Бой-Кот» в оппозиционной царскому правительству прессе и сделавших ее «одной из самых заметных фигур сатирической журналистики» [1. С. 663].

Очевидно, что поэтическое творчество В. Скотта было интересно и очень близко поэтессе. Она выполняет 9 поэтических переводов из В. Скотта, которые выходят в журналах «Труд» в 1895 г. и «Мир Божий» в 1895 и 1897 гг., а также в собственном сборнике стихотворений в 1897 г., который в том же году был удостоен почётного отзыва и Пушкинской премии Императорской Академии наук. В числе текстов, переведенных Чюминой:

	Оригинальное название
«Песнь Ревекии», 1895	«Rebecca's hymn» («Гимн Ревекки»)
«Колыбельная песня», 1895	«Lullaby of an infant chief» («Колыбельная маленькому вождю»)
«Умиравший бродяга», 1895 / «Эпитафия», 1897	«Gypsy's dirge» («Плач цыгана»)
«Фиалка», 1896	«The Violet» («Фиалка»)
«Пилигрим», 1897	«The noble Moringer» («Благородный Морингер»)
«Смерть барда», 1897	«The dying bard» («Умиравший бард»)
«Боевая песнь», 1897	«Flora MavIvor's song» «Песнь Флоры МакАйвор»
«Джэк Гэзельдин», 1897	«Jack of Hazeldean» («Джэк Гэзельдин»)
«Клятва леди Норы», 1897	«Nora's vow» («Клятва Норы»)

Если сравнивать переводы О. Чюминой с переводами из В. Скотта начала и середины XIX в., то можно говорить о более точной передаче подлинника (практически во всех своих переводах поэтесса придерживается основного сюжета, сохраняет большую часть оригинальных образов и ритмическую организацию стиха), однако переводы Чюминой все еще тяготеют к вольным: переводчица добавляет и опускает отдельные образы, достаточно свободно обращается с размером оригинала, сокращая количество стрóf, изменяет некоторые детали сюжетных линий.

Уже сам факт того, что О. Чюмина включает переводы В. Скотта в сборник стихотворений собственного сочинения, говорит о том, что в своих переводах она продолжает традиции более ранних переводчиков поэзии В. Скотта: В.А. Жуковского, И.И. Козлова, К.К. Павловой.

Подобно своим предшественникам О. Чюмина выбирает произведения, интересные и созвучные лично ей, и переделывает их под русского читателя в соответствии со своим собственным, субъективным, представлением об адекватности перевода. Более того, совершенно очевидно, что О. Чюмина была прекрасно знакома с более ранними переводами поэзии В. Скотта, и в частности с традицией перевода вставных песен, являющихся частью более крупных произведений. Среди переводов Чюминой, например, перевод вставной песни из романа В. Скотта «Айвенго»: «Песнь Ревекки» («Rebecca's hymn»).

Интересно, что этот характерный композиционный прием включения вставных песен в текст основного содержания романа или поэмы заимствован Чюминой у В. Скотта при переводе баллады «**The noble Moringer**». Эта баллада в сравнении с другими, выбранными О. Чюминой для перевода, отличается большим объемом и сюжетностью. Главный герой повествования, благородный Морингер, отправляется к Святой земле и оставляет свою страну и молодую жену на попечение вассала. После семи долгих лет странствий Морингер чудесным образом возвращается домой и обнаруживает вассала в роли правителя и жениха своей возлюбленной. Будучи неузнанным и приглашенным на пир по случаю свадьбы, Морингер по просьбе хозяина торжества поет гостям свою песню, в герою которой его возлюбленная и узнает своего пропавшего мужа. Рассказ Морингера никак не отделяется от основного текста в оригинале, однако О. Чюмина, следуя вальтер-скоттовской традиции, визуально оформляет его в отдельную песнь, сократив длину стиха вдвое, при этом не изменяя ритма:

Перевод О. Чюминой

–Да смолкнет лютни перебор и звон веселых чаш,
Исполни, Богом данный гость, обычай древний наш:
Потешь нас песнею своей, – и золото, звеня,
К тебе посыплется в кошель наградой от меня.
«Печальной будет песнь того,
Кто одинок и сир,
А был когда-то для него
Отраден Божий мир!
Как ты, с безоблачным челом,
Вот так же – юн и смел,
За пышно убранным столом
Когда-то он сидел...»
[2. С. 149–150]

Компаративный анализ оригиналов и переводов Чюминой, а также более ранних переводов поэзии В. Скотта позволяет выявить основные модификации подлинника, произведенные О. Чюминой с целью донести вальтер-скоттовский поэтический текст до русского читателя.

В числе характерных переводческих модификаций оригинального балладного текста в переводах Чюминой адаптация текста, которая осуществляется путем *отказа от специфических географических названий и имен собственных*, которые могли быть знакомы английскому читателю, но затруднили бы восприятие перевода.

Абсолютно во всех переводах из В. Скотта О. Чюмина сохраняет имена центральных персонажей, а имена второстепенных героев либо заменяет на более простые и понятные русскому читателю, либо опускает. Характерные шотландские реалии, неизвестные в России, независимо от их количества в оригинальном тексте, полностью опускаются О. Чюминой в переводе. В качестве примеров такого рода адаптации оригинального текста можно привести переводы баллад В. Скотта «The dying bard» (в переводе – «Смерть барда») и «Flora MacIvor's song» (в переводе – «Боевая песнь»). В «Смерти барда» лирический герой произведения перед смертью прощается с родными местами, желая воспеть их еще раз в своей последней песне. Оригинальный текст произведения изобилует специфическими шотландскими названиями и представляется достаточно сложным для перевода:

Оригинал	Подстрочник
Dinas Emlinn, lament; for the moment is nigh,	<u>Динас Элминн</u> , плачь, ибо момент близок,
When mute in the woodlands thine echoes shall die:	Когда тихое в лесах твое эхо умрет:
No more by sweet Teivi Cadwallon shall rave,	Больше не будет шуметь у прекрасного <u>Теиви Кадваллон</u> ,
And mix his wild notes with the wild dashing wave	И смешивать свои дикие ноты с дикой бурной волной ¹ .
[З. Т. 6. С. 366].	

В «Военной песне» лирический герой призывает соратников подняться на борьбу с врагом для защиты своего родного края, для создания образа которого В. Скотт традиционно использует большое

¹ Здесь и далее перевод мой. – М.П.

количество географических названий, имен предков и описания горных пейзажей.

Оригинал	Подстрочник
O sprung from the kings who in Islay kept state, Proud chiefs of Clan-Ranald, Glengarry, and Sleat! Combine like three streams from one mountain of snow, And resistless in union rush down on the foe.	О, рожденные от королей, что в <u>Ислэ</u> правят, Гордые вожди <u>Клан-Раналда</u> , <u>Гленгарри</u> и <u>Слита</u> ! Соединитесь как три потока с одной снежной горы И непобедимые в этом союзе мчитесь вниз на врага.
True son of Sir Evan, undaunted Lochiel, Place thy targe on thy shoulder and burnish thy steel!	Верный сын <u>Сэра</u> <u>Эвана</u> , бесстрашного <u>Лохиэля</u> , Положи щит на плечо и отшлифуй свою сталь!
[4. С. 645]	

Поскольку оба текста содержат большое количество чужеродных элементов, объективно они могут быть сложны для восприятия в случае точного перевода на русский язык, однако переводчице очень важно обозначить географическую локацию баллады, поэтому она использует различные приемы, компенсирующие потери оригинала.

Так, опустив в переводе названия областей, рек и гор, Чюмина заменяет их более общими определениями «край родимый», «отчизна», «долины, холмы и леса».

Прости, край родимый! Безумно любя,
Давно воспевал я и славил тебя,
Но час наступает, – и рокот струны
В тиши не сольется с журчаньем волны.

Простите долины, холмы и леса,
Умрет не воспетою ваша краса...
(«Смерть барда»)

[2. С. 141].

В балладах «Пилигрим» и «Клятва леди Норы» географические названия генерализируются до «Шотландии родной». Причем этот емкий эпитет, использованный в обеих балладах, выполняет двойную функцию: определяет географию места событий, не отягощая при этом русский перевод, и передает трепетное отношение лирического героя к родному краю, которое насквозь пронизывает оригинальный текст.

Пришли рождественские дни, в Шотландии родной
 Прощался благородный граф с красавицей женой,
 Он целовал и очи ей, и бледный мрамор плеч,
 И пред разлукою повел он ей такую речь...
 («Пилигрим») [2. С. 145].

Помимо прямого указания на Шотландию в своих переводах, О. Чюмина также вводит в тексты знакомые образы-маркеры, указывающие читателю на место действия: «турнир», «канун Рождества», «граф», «рыцари и дамы», «вереск», «клан», «горы», «замок», «вассалы» и т.д.

В совокупности все эти образы создают в воображении русского читателя необходимый образный ряд, делая вальтер-скоттовский текст не только понятным, но и узнаваемым. Не случайно, исследователи творчества О. Чюминой отмечают точность отражения духа подлинника в ее переводах [5, 6].

Еще одной характерной особенностью переводов Чюминой является *введение в текст устаревший лексики*, что не всегда соотносится с образным рядом оригинала и в некоторой степени русифицирует перевод: «отчизна», «чудные очи», «надеты рыцарский убор, с опушкой епанча», «чело», «орда сарацин», «князь», «ряса», «под сень палат своих», «плютни перебор», «камелек» и т.д.

Предшественники Чюминой нередко прибегали к русификации при трансляции поэзии В. Скотта на русский язык. Однако не всегда такая русификация была оправданна, что нередко вызывало недовольство критиков. Что касается переводов Чюминой, то здесь русификация вполне оправданна, так как позволяет передать стилистику средневековой баллады, которой придерживался и В. Скотт, используя устаревшую лексику и грамматические конструкции:

'Now hear,' he said, 'Sir Chamberlain, true vassal art thou mine, And such the trust that I repose in that proved worth of thine, For seven years shalt thou rule my towers, and lead my vassal train, And pledge thee for my Lady's faith till I return again.'

(«The Noble Moringer») [4. С. 619].

Если сравнить переводы баллады В. Скотта «Jack of Hazeldean», выполненные К.К. Павловой и О.Н. Чюминой, можно наблюдать пример еще большей русификации подлинника в более раннем переводе Павловой. Имя главного героя, вынесенное в название в переводе Павловой, превращается в Яшу. При этом К.К. Павлова не стремится к полной русификации баллады, сохраняя характерную для шотландской баллады образность: «тебя за графа выдам я». Чюмина же сохраняет оригинальное имя героя и мастерски вписывает его в текст перевода, традиционно сохраняя оригинальную ритмическую организацию стиха.

О чем, красавица моя,
Ты плачешь дни и ночи?
Отри скорей, молю тебя,
Заплаканные очи.
Ты моему обручена
Возлюбленному сыну,
Но, безутешна и бледна,
Как прежде, слезы льет она
По Джэку Гэзельдину
[2. С. 142].

То же самое наблюдаем и в переводах баллады «Nora's vow», название которой у К.К. Павловой переведено как «Клятва Мойны» (имя главной героини изменено), а у О.Н. Чюминой более точно – «Клятва леди Норы».

Помимо этих двух баллад, переведенных ранее К.К. Павловой, О. Чюмина обращается также к уже переведенным на русский язык балладам «The Violet» (пер. П. Шкляревского) и «The Noble Moringer» (пер. А. Озерского). Явление переводной множественности в данном случае говорит о востребованности поэтических сочинений В. Скотта в России в конце XIX в., а также еще раз доказывает, что О. Чюмина была хорошо знакома с работами своих предшественников и намеренно перевела уже известные русскому читателю вальтер-скоттовские баллады, применив при этом уже новые адаптивные стратегии, актуальные для своего времени.

Если рассматривать литературоведческий аспект, то совершенно очевидно, что в условиях постепенной смены переводческих концепций О. Чюмина осознает необходимость более точной передачи оригинала. По сравнению с более ранними переводами из В. Скотта практически все переводы Чюминой сохраняют оригинальный размер. Вероятно, здесь Чюмина следует за вокальными переводами И.И. Козлова. Создается

впечатление, что при всех отклонениях Чюминой от оригинала звучание балладного стиха в представлении переводчицы должно оставаться неизменным. Такая принципиальность при передаче оригинального ритмического строя и мелодии стиха кажется вполне объяснимой, учитывая тот факт, что О. Чюмина профессионально занималась музыкой и даже готовилась к поступлению в консерваторию.

Если учитывать исторический контекст создания переводов, то следует отметить, что для Чюминой и ее читателей романтическая поэзия В. Скотта, насквозь пропитанная образами шотландской старины и безграничной любовью к родине, должна была играть особую роль в период острых социальных противоречий и сложностей переходного периода в пореформенной России. Не случайно именно в это время Чюмина обращается к самому «грубому и дикому» (по словам самого В. Скотта) жанру народной лирики – боевой песни [7. С. 96]. Учитывая активную гражданскую позицию О. Чюминой, которую она выражала в своем творчестве, не боясь расправы со стороны властей, выбор этого жанра представляется не случайным.

Боевая песнь отличается от баллады и от песни-сказа, исполняемой бардом. Боевая песнь была призвана воодушевлять членов клана на борьбу с врагом, поэтому содержательно изобилует повторяющимися обращениями, призывными кличками, обилием восклицательных предложений. Традиционно О. Чюмина опускает незнакомые географические реалии, компенсируя их образами-маркерами, которые помогают воссоздать шотландский колорит подлинника: «над вершиной – туман, над долиною ночь», «из долин, из-за гор», «волынка гудит», «певца вдохновенный напев».

Несмотря на то, что русский читатель должен был воспринимать перевод как изначально шотландский текст, перевод Чюминой можно было бы интерпретировать как реальный призыв к действию:

Но проходят часы: от тяжелого сна
Пробуждается вновь понемногу страна,
Над вершинами гор, ярким блеском горя,
Занимается вновь молодая заря
[2. С. 140].

В чюминском переводе «**Колыбельной песни**» («Lullaby of an infant chief») встречаем все те же образы «пробуждения» и «зари», что и в «Боевой песни», хотя сам по себе жанр колыбельной песни, как и сам оригинал, не предполагает революционного подтекста:

Баю баюшки, спи! А настанет черед –
 Поведешь ты бойцов за собою вперед:
 Приближается жизнь с вековою борьбой
 И приносит заря пробужденья с собой
 [2. С. 139].

У В. Скотта:

Оригинал	Подстрочник
О, hush thee, my babe, the time soon will come, When thy sleep shall be broken by trumpet and drum; Then hush thee, my darling, take rest while you may, For strife comes with manhood, and waking with day [3. Т. 11. С. 317].	О, тише, мое дитя, скоро придет время, Когда твой сон будет нарушен трубой и барабаном, Поэтому тише, мой дорогой, отдыхай, пока можешь, Борьба начинается с мужественно- стью, а пробуждение – с началом дня.

Нельзя однозначно утверждать, был ли выбор боевой песни и колыбельной продиктован только лишь интересом О. Чюминой к этим жанрам либо данным переводом поэтесса попыталась выразить свои политические настроения, скрывшись за именем известного автора подобно тому, как она скрывалась за псевдонимами «Оптимист» и «Бой-Кот», печатая свои политические фельетоны. Пролить свет на этот вопрос могло бы детальное изучение архива О.Н. Чюминой, который хранится в рукописном отделе Пушкинского Дома (Ф. №333), а также в фонде РГАЛИ (Ф. 1311).

Подводя итоги, следует отметить, что чюминские переводы романтической поэзии В. Скотта появились в нужное для российского читателя время. Изучив и переосмыслив переводы своих предшественников, О.Н. Чюмина вывела рецепцию В. Скотта на новый уровень, мастерски передав дух оригинала и сохранив его структурно-композиционные особенности. Как ни странно, ни один из переводов Чюминой не будет включен в знаменитое двадцатитомное Собрание сочинений В. Скотта, вышедшее в середине XX в. Однако, переводы О. Чюминой в любом случае попадают в поле зрения составителей 19-го тома этого собрания. Большая часть произведений, обративших на себя внимание О. Чюминой, будет переведена с учетом современной переводческой концепции и включена в сборник. Среди них: «Фиалка» (пер. Б. Томашевского), «Умиравший бард» (пер. П. Мел-

ковой), «Джок из Гэзельдина» (пер. Г. Бена), «Клятва Норы» (пер. Г. Шмакова), «Колыбельная военному вождю» (пер. Г. Шмакова).

Литература

1. *Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907)*. М.: Библиотека поэта, 1969.
2. *Чюмина О.Н.* Стихотворения 1892–1897. СПб: Книжный магазин «Новостей», 1900.
3. *Scott W.* The Poetical Works of Sir Walter Scott. Edinburgh: Ballantyne and Co, 1810.
4. *Scott W.* The Poetical Works of Sir Walter Scott. Edinburgh: Robert Cadell, 1841.
5. *Быков П.В.* Чюмина // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/114276/Чюмина (дата обращения: 04.09.2015).
6. *Азовский (Савченко) А.П.* Ольга Чюмина – 150-летняя, но актуальная [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/12/26/1541> (дата обращения: 04.09.2015).
7. *Scott W.* Minstrelsy of the Scottish border: consisting of historical and romantic ballads. London: Alex. Murray and Son, 1869.

O. CHYUMINA, THE TRANSLATOR OF W. SCOTT'S POETRY (LATE 19TH CENTURY)

Imagology and Comparative Studies, 2015, 2(4), pp. 147–157. DOI: 10.17223/24099554/8
Pavlova Maria V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dubenkomaria@yandex.ru

Keywords: W. Scott, romantic poetry, O.N. Chyumina, translation.

The article is devoted to the Russian translations of Walter Scott's poetical works performed by O.N. Chyumina at the end of the 19th century, which included nine romantic songs and ballads, among them: eight separate poems ("Lullaby of an Infant Chief" ("Kolybel'naya pesnya"), "Gypsy's Dirge" ("Umirayushchii brodyaga" / "Epitafiya"), "The Violet" ("Fialka"), "The Noble Moringer" ("Pilgrim"), "The Dying Bard" ("Smert' barda"), "Flora MavIvor's Song" ("Boevaya pesn"), "Jack of Hazeldean" ("Dzhek Gezel'din"), "Nora's Vow" ("Klyatva ledi Nory"), as well as one song from *Ivanhoe*, "Rebecca's Hymn" ("Pesn' Revekki"). Olga Nikolaevna Chyumina was born on December 26 (January 7) 1864 in Novgorod. Her literary activity began in the 1880s and covered not only translations of foreign authors, but also her own prose and poetry. Chyumina proved her worth as a talented poet and translator, she was an active citizen and had a proactive approach to life that was reflected in her effervescent satire published in the oppositional press under the pen-names of Optimist and Boy-Cott.

Comparative analysis of Chyumina's texts and the originals enables to refer Chyumina's translations to the liberal ones. In spite of the fact that the translator tries to reproduce the spirit of the original, i.e. sticks to the main plot, preserves the system of characters and images, follows the rhythmic organization of the poems, most of the elements of the original poetical pieces are transformed or eliminated in the Russian versions. One of the main tasks that Chyumina is trying to complete is to adapt the texts to the Russian reader in order to provide better understanding. The most common modifications of the original poems are the following: 1) elimination of exotic geographical and personal names unknown to the Russian

reader; 2) use of archaic words and, as a consequence, Russification. Similar methods can be found in earlier translations of Walter Scott's poetical works that might have been familiar to Chyumina. Despite the fact that Chyumina follows the traditions of her predecessors, Vasily Zhukovsky, Ivan Kozlov, Karolina Pavlova, her translations of Walter Scott's poetry are more precise. Later translators of Walter Scott in Russia, preparing and putting together the collected edition of Walter Scott's literary works in 20 volumes published in the 1960s, paid close attention to previous translations, Chyumina's texts among them. Although none of Chyumina's translations are included into the 19th "poetic" volume of the edition, most of W. Scott's texts chosen by Chyumina for translation were taken into account and translated in a modern way.

References

1. Blank, N.B. et al. (eds) (1969) *Stikhotvornaya satira pervoy russkoy revolyutsii (1905–1907)* [Poetic satire of the first Russian revolution (1905–1907)]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
2. Chyumina, O.N. (1900) *Stikhotvoreniya 1892–1897* [Poems of 1892–1897]. St. Petersburg: Knizhnyy magazin "Novostey".
3. Scott, W. (1810) *The Poetical Works of Sir Walter Scott*. Edinburgh: Ballantyne and Co.
4. Scott, W. (1841) *The Poetical Works of Sir Walter Scott*. Edinburgh: Robert Cadell.
5. Bykov, P.V. (1890–1907) Chyumina [Chyumina]. In: Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. [Online]. Available from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/114276/Chyumina. (Accessed: 04th September 2015).
6. Azovskiy (Savchenko), A.P. (2012) *Ol'ga Chyumina – 150-letnyaya, no aktual'naya* [Olga Chyumina, 150-year-old, but relevant]. [Online]. Available from: <http://www.proza.ru/2012/12/26/1541>. (Accessed: 04th September 2015).
7. Scott, W. (1869) *Minstrelsy of the Scottish border: consisting of historical and romantic ballads*. London: Alex. Murray and Son.